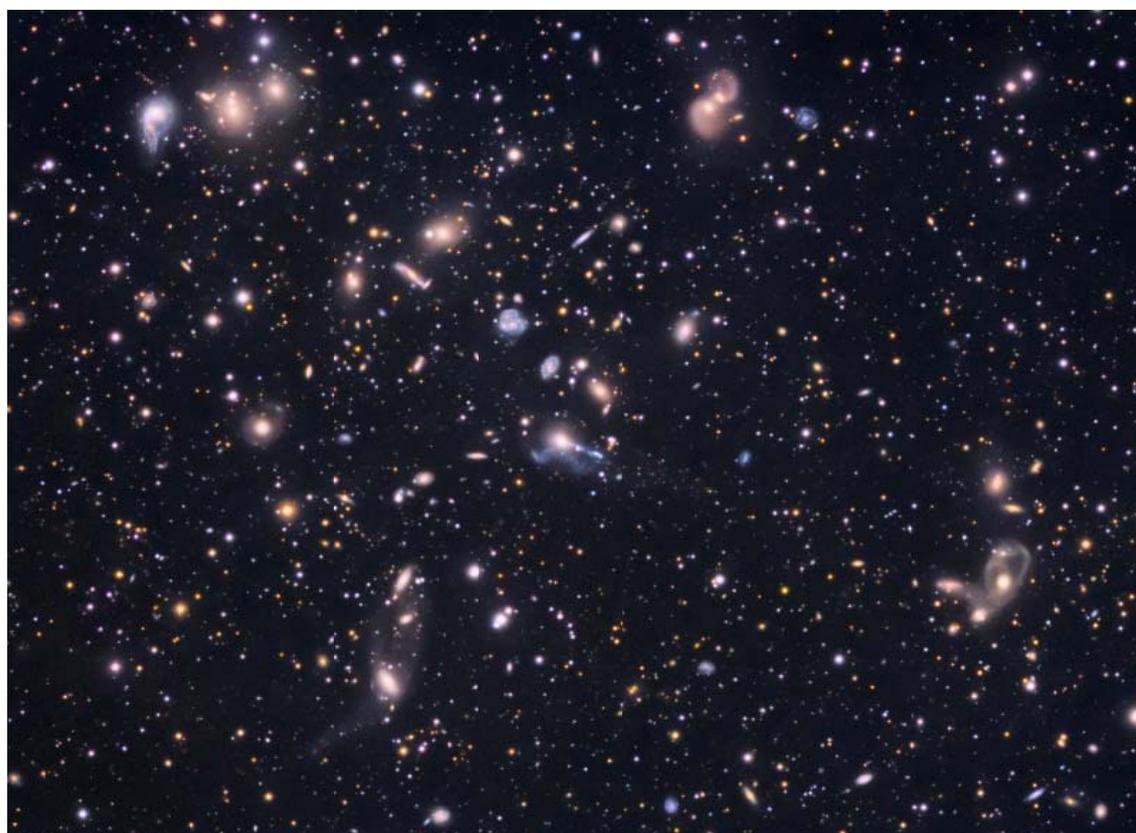

Записки всемогущего

Станислав Лем

Снова снедает нас жажда исканий, и мы выполняем начальное условие: самоограничение, без которого мы ничего не можем, поскольку являемся всем. «Все» и «ничто» здесь, разумеется, одно и то же, ибо тот, и только тот, кто является всем, ничего не может. В совершенстве — а это непрменный наш атрибут, если нам не захочется, как теперь, временно от него отказаться, — нет ни стремлений (ведь оно-то и есть конечная цель), ни поисков (ведь совершенство есть всеотыскание), ни мыслей (коль скоро все помышлено сразу). Способностью — которой мы не раз уже пользовались, — ограничивать нашу безмерность мы обязаны нашему всемогуществу. Всемогущество проявляется лишь как отказ, отречение от чего-то, поскольку связано с выбором; даже если бы мы воплотили мириады замыслов разом, даже если бы мы повелели: «Да будет все!», и тем самым повторили себя (что, впрочем, мы не раз уже делали), — это ничего не изменит: никакое увеличение не способно нас увеличить, прирастание мощи не сделает нас сильнее. Бесконечность, сложенная с бесконечностью, даст в итоге лишь бесконечность.

astronet.ru

Вот доказательство — математически точное — того, что разрастанием мы ничего не достигнем. Может ли то, что не имеет границ, иметь их еще меньше? Всемогущество — стать всемогущественнее? Остается одно: уменьшать себя, редуцировать; только так, исходя из ущербности, мы можем отдаться исканиям, подверженным неустанному риску; западни подстерегающих повсюду противоречий подчас милее застывшего совершенства, и мы вверяемся им, а не ему.

Мы отрекаемся от полноты, дабы испытать нечто новое, коль скоро, будучи полнотою всего, мы все испытываем, кроме ощущения неизвестности. Мы пускаемся в путь, хотя наша память запечатлела несчетные тропы подобных странствий; не первый раз мы посещаем ее владенья, и каждым таким вторжением только запутываем лабиринты бездны, самой собою заполненной, саму себя возносящей, бездны, имя которой — мы; а всемогущество и всеведенье на этом пути сомнительными оказывались союзниками.

nasa.gov

Некогда мы пожелали отыскать наше начало. Исходя, как всегда, из состояния совершенной полноты, мы понимали, что никакого начала не было, ведь начало означает вхождение во время, подобно тому как граница — вхождение в пространство; мы же способны творить и то и другое, будучи им неподвластны. И все-таки, неудовлетворенные вечностью, мы погружались в глубины памяти, пока не отыскали начало по мерке нашей безмерности. Начало было, ясное и бесспорное, оно появилось как ответ на вопрос — но откуда? Конечно, его породила сама постановка вопроса, оно возникло из нашего переизбытка, всемогущество наше, чересчур уж охотно, сотворило его! Было ли истинным это начало? Что за вопрос, обращенный ко всемогуществу...

Однако не сотворить хотели мы истину, но отыскать. Вот и противоречие. И снова мы приступили к исследованиям, на этот раз сверхконечным, спрашивая себя, что же такое мы сами? Творящее бытие; всемогущая мысль, которая не развеивается лишь потому, что пребывает вне времени; все, что только может существовать. Да, конечно, речь здесь о нас, все это наши, и только наши приметы; откуда же неудовлетворенность ответом? Где мы? Повсюду. Что нам делать с этой повсюдностью? Возможно ли нечто такое, что не являлось бы нами? Ну конечно; мы сами несчетное множество раз творили это «нечто». Однако не в своих творениях хотим мы искать ответа, и не в самих себе. Так где же, если мы являемся всем — вне всего? Бытием — вне бытия? Но, собственно, что существует вне Бытия? Не-Бытие. Это «не» можно развернуть в громадность, ведь математика позволяет понять небытие как возможность антибытия. Довольно занятно. Что, если антибытие существует, не будучи нами, и есть нечто меньшее, чем небытие? Это означало бы сверхконечное множество, в котором поместится сколько угодно бесконечностей. Возможно ли это? Да... если мы того захотим. Что за итог!

И так чего ни коснись. На всякий вопрос возникает ответ, подсказанный потихоньку всеведением либо созданный всемогуществом, — и с тем и с другим заботы. Всемогущество не дает нам навечно застыть во всеведении, в его слепящем оцепенении, но оно и коварно. Ибо как все на самом деле? Так, как мы захотим. Но легкость творения без границ и усилий — фатальна. Мы можем нашу историю изменить моментально, иметь несчетные, какие угодно версии прошлого, вовсе их не иметь, иметь и вместе с тем не иметь, — неужели и это возможно? Ну да, иначе нет всемогущества... Однако, множа такие свершения, мы оказываемся владыкой побратавшихся противоречий, повелителем всяческих возможностей и, стало быть, всяческого абсурда. Что же мы видим? Всемогущество, отец парадоксов, разверзается бездной, в которой что угодно согласуется с чем угодно, а всеведение усугубляет

неволю ассоциаций, превращая ее просто в эхо, идеально бессмысленное.

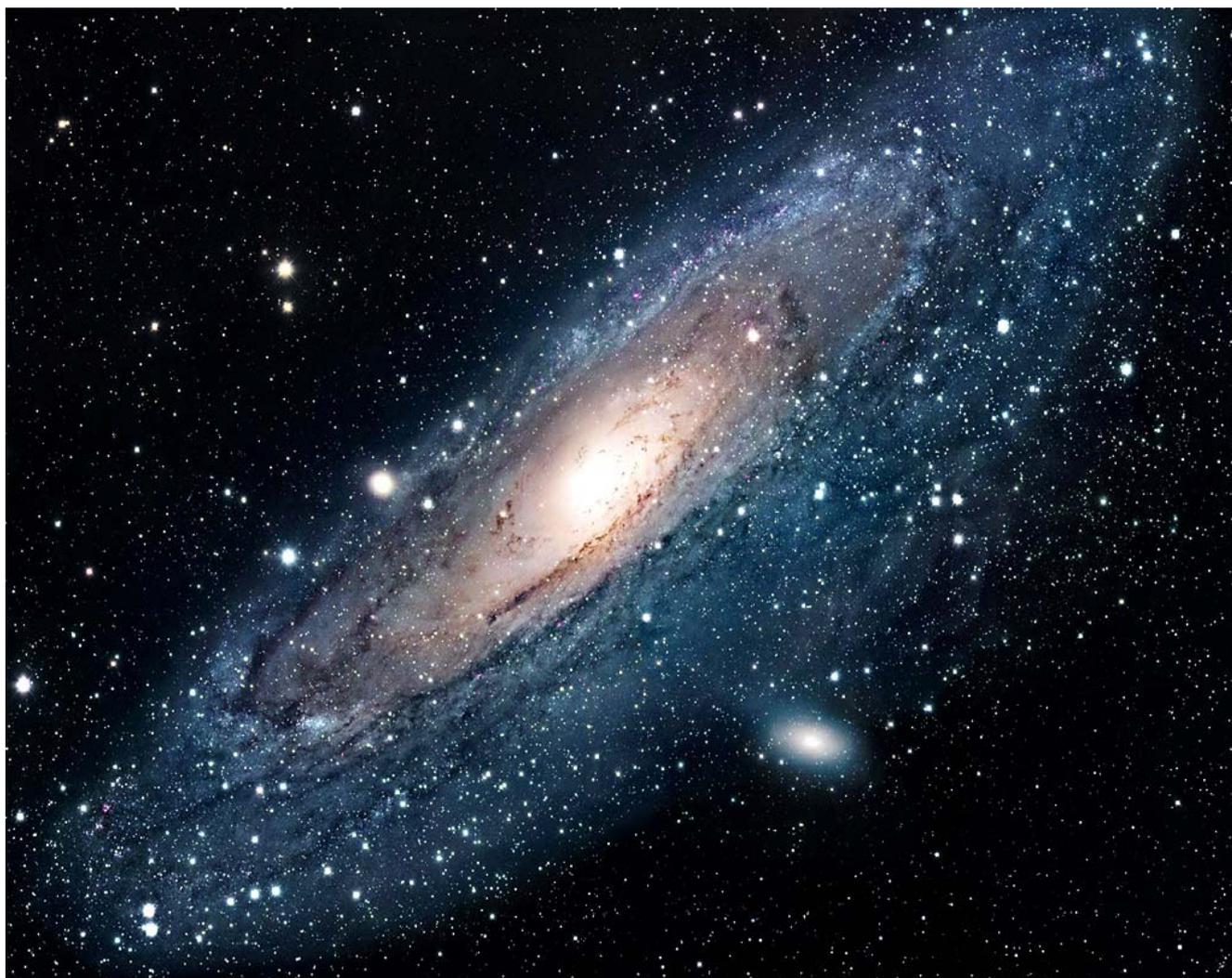
Что же такое мудрость? Ограничение всеведения и всемогущества. В чем она проявляется? В зарождении упорядоченности. Наивностью было бы думать, будто порядок творится из небытия. О нет! Совершенно напротив — мы исходим из полноты, воплощенной в нашем царстве абсолютно безграничных свобод; отсутствие всякой необходимости (а значит, бесконечная произвольность и многообразие) — вот где берет начало наше творящее шествие. Отменяя свободы, мы получаем необходимости, и чем больше мы устраняем первых, тем больше возникает вторых. Так, на пути к абсолютному отрицанию, все ближе подступая к небытию, мы урезаем свободный хаос; из него-то, одна за другой, возникают упорядоченности, все более строгие, все более точные, пленницы законов, рабыни регулярности, и по мере установления запретов, исключений, ограничений все более безусловных, там, на самом пороге небытия, у самого нуля, зарождается квинтэссенция упорядоченности — Вещь.

Что же это такое — Вещь? Вот лишь один из возможных ответов, самый простой. Вещь, говорим мы, возникает тогда, когда мы решаем создать бытие, в известном смысле от нас независимое. Этим актом — актом творения — мы обособляем некую область, суверенную по отношению к нашему естеству. То, что ее наполняет, и является Вещью. В ее пределах мы отменяем свое бытие. Мы отняли у Вещи

бесконечные измерения, и осталось всего лишь пространство; мы лишили ее пребывания в вечности — и осталось всего лишь время, одиноко протянувшееся из прошлого в будущее. Мы сделали так потому, что любой избыток свободы препятствует нарождению гармонии. Но это не уменьшает богатства возможностей: пространство может быть непрерывным или зернистым, частично устойчивым, взрывным, развивающимся равномерно или неравномерно, чреватом энергией или леевом, слабо или же тесно связанным со временем, словом, каким угодно — выведенным из нашей мысли и воплощенным на свой собственный, совершенно особый лад. А когда мы обрубаем его последние связи с нами, оно замыкается, подобно тому как и сами мы замкнуты в себе (или открыты, что то же самое).

Таких Вселенных мы сотворили без счета. Не будем говорить сколько. Не будем, потому что иные уже утратили суверенность и вернулись опять в наше естество, впрочем, не утратив вконец свой первоначальный, вещный характер. Такого рода Вселенные — как бы наш местный, локальный сон, но уже не наша явь. Мы слили их с собой, вопреки своему же правилу не вмешиваться в бытие наших творений; мы

уничтожили немало сотворенных пространств, населенных звездами или их производной — гелахом, или же их праматерией — илемом, словно не зная, что не найдем в них для себя ничего, что улетучивающаяся из них протяженность не вместит нас, что от нашего прикосновения их жар обратится в чистую математику — ту самую, из которой мы его вывели.

Но остались другие Вселенные, которых не поглотил опять всеохватный океан нашего бытия. Устроены они различно, ведь мы никогда не повторяемся. Самые старые нам заблагорассудилось сделать конечными, так что их эмбрион описывался математическими выражениями, сходение которых предвещало зарождение упорядоченности. Эти творения пережили долгую эволюцию. Благодаря приданному им импульсу они сгущались в вихри с излучением достаточно мощным, чтобы пространство системы распалось на облачные, неупорядоченные подпространства; но после известного числа оборотов в них совершалась множественная торообразная нуклеация; каждый тор выбрасывал из себя лучевидные полосы вращающихся тел, в свою очередь наделенных способностью к порождению микроструктур, так что конструкция эта многоярусная и нисходящая; а микроструктуры в самом малом повторяют вращенье всей Вещи.

Но мы никогда не исследовали их подробно: конечность творящего принципа обещала слишком уж мало, и они уступили место другим, рожденным под знаком бесконечности. Пустив в ход силы более могущественные, мы заключили в конечном пространстве сверхконечные свойства различной мощности.

Мы, разумеется, знали, что в зародыш этих новых Вещей, новых Вселенных, вводим математический парадокс, то есть прячем в их основании логическое противоречие (ведь математика — это логика, распевшаяся в полный голос), но в этом и состоял наш шуточный замысел. Внутреннюю противоречивость Вещей мы сделали миниатюрным подобием той, что бывает нашим уделом, и поистине было что-то забавное в сходстве бесконечностей самого низшего порядка, упрятанных в исчезающе малом пространстве, — с трансфинитными множествами; как ни чудовищно разделяющее их расстояние, в чем-то они тем не менее сходятся, — хотя бы в том, что чем больше задаешь им вопросов, тем больше получаешь ответов, чем лучше их постигаешь, тем загадочнее они становятся, так что знание о них питается незнанием, и наоборот.

astronet.ru

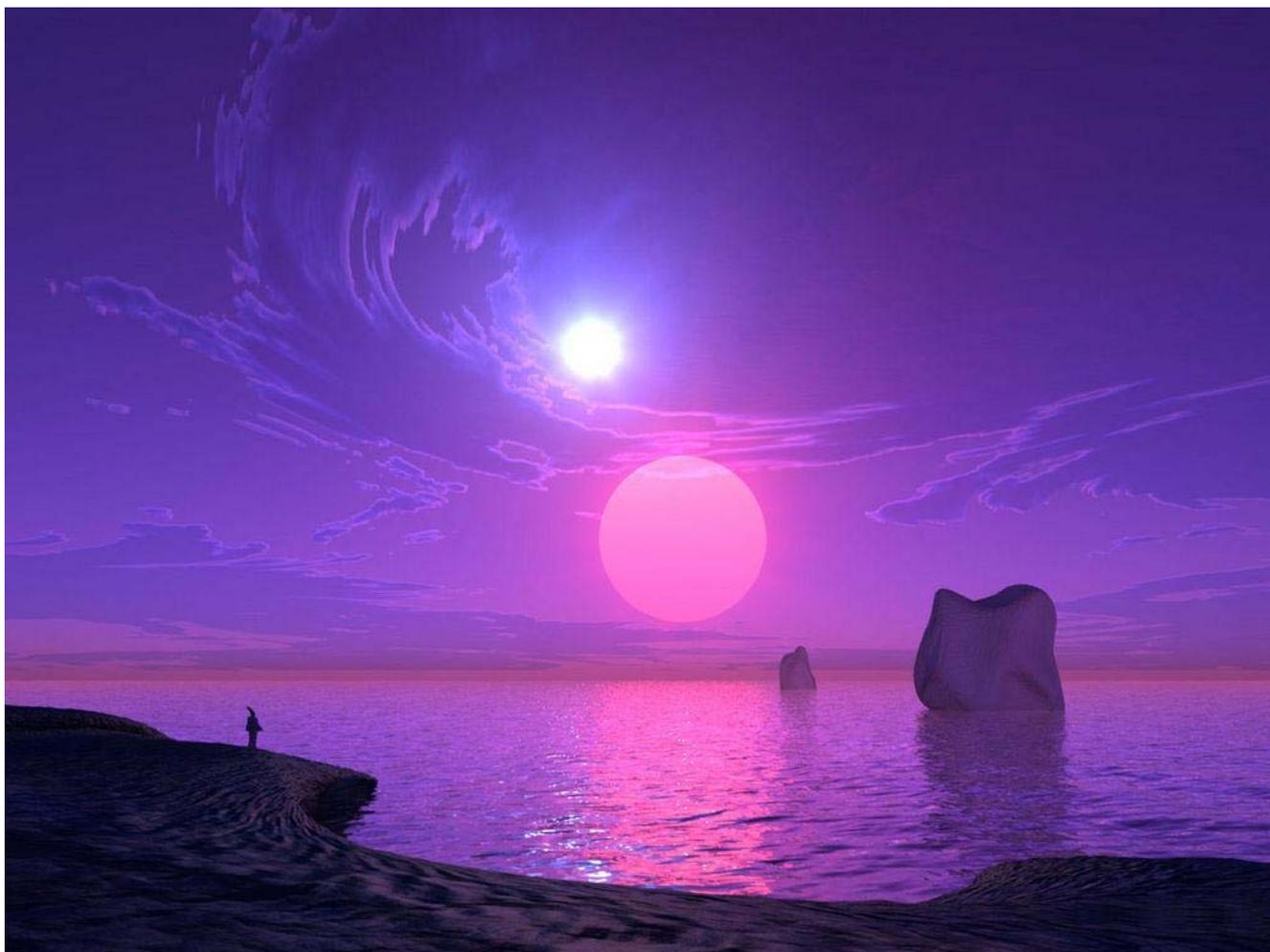
Впрочем — о, улыбка без слов, веселость, давно не испытанная! — мы создали неисчислимое множество подобных миров: от Вселенных, в которых роль нашего

наместника, стихийного творца и законодателя отводилась слепому случаю, до Космосов, подвластных непогрешимой причинности, в которых ничего случайного нет, ибо все там необходимо.

В крайних областях этого спектра возможностей избыточествует либо беззаконие, либо застывшая ригористичность, но в промежуточных, там, где по-братски уживаются слепая случайность и непререкаемое долженствование, — возникло множество любопытнейших форм. От акта творения не удержала нас вероятность (впрочем, ничтожная) самозарождения из вещной субстанции созданий, бранных сверх всякой меры, не микроскопических даже, но настолько близко стоящих к небытию, что мы сами не можем их разглядеть; при благоприятном стечении обстоятельств они могли бы стать зеркалом того, что нас самих побуждает к ущербным свершениям.

Это не входило в наш замысел. Или все же входило? Возможен ли тут ответ, который не был бы утверждением и отрицанием одновременно? Ведь мы уступили сумму наших творящих потенций Вещам — чтобы творили не мы через них, но сами они. А значит, случилось это в минуту нашего предельного самоограничения и в такой близости к небытию, что нам пришлось обратить против себя все наше всемогущество, чтобы продержаться в столь крайнем самоотречении и, вычтя наконец из сотворенного — себя, предоставить все эти потенции собственной участи: да возникнет из них то, что может самородно возникнуть!

Что именно — мы не знали, поскольку знать не хотели. Мы не вмешивались и не вмешиваемся. А потому и вправду не ведаем, что они мыслят там, в этих безднах, наших и уже не наших. Если начистоту, мы даже не знаем наверняка, мыслят ли обитатели этих Вещей. Возникнуть они должны были: на это указывают многие признаки. Но они могли уничтожить себя. Мы не сочли уместным лишить их этой возможности. В некоторых Универсумах они не воспользовались ею. Мы узнали об этом — не без удовлетворения — по упомянутым выше признакам. Иные из них развивались так поразительно, что смогли управлять небулами своих Вселенных, перемещать их из места их зарождения в другие места. Разве не замечательно? Как дерзко действуют они на поверхности своих песчинок! Другие пошли еще дальше: они научились делать ярче или тусклее звездные искорки, вокруг которых кружатся их остывающие обитатели. Конечно, это возможно лишь в тех Вещах, которые мы наделили потенцией света. В других, где его заменяет леево, признаки, понятно, другие: мелкие локальные складки пространства, столь регулярные, что свидетельствуют о деятельности по какому-то плану; а порою, хотя и редко, мы наблюдаем легкие сотрясения целых Вещей...

wallpaper.zoda.ru

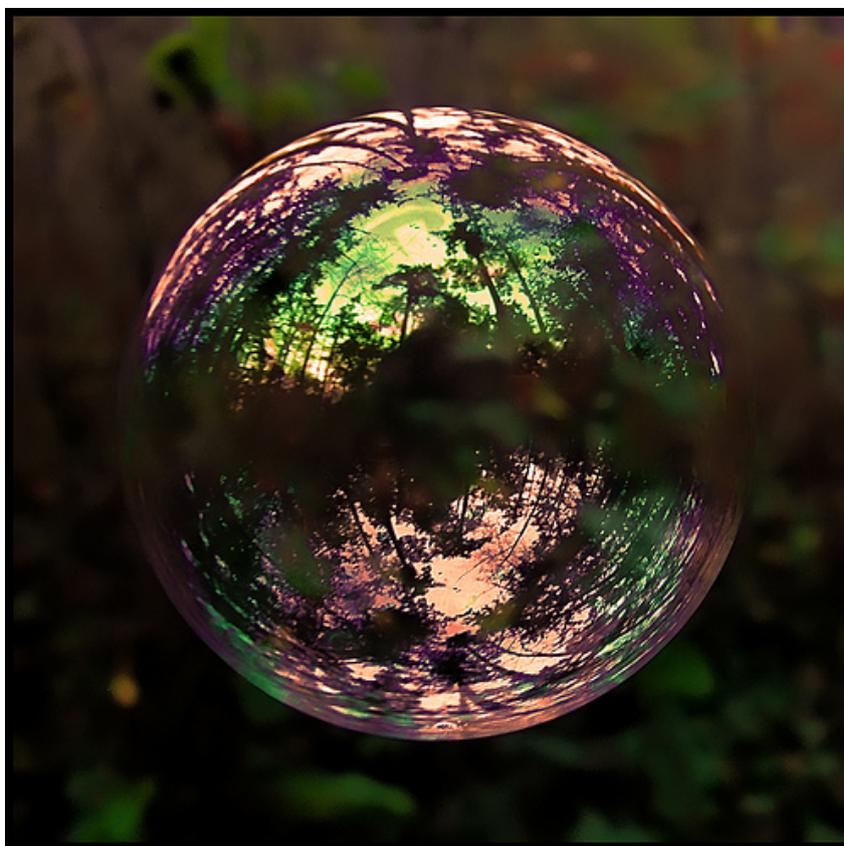
Существа, срок бытия которых короче, чем миганье самой слабой звезды, которым нужны поколения, чтобы выбраться из слепоты, в которую ввергает их собственная ничтожность, и, прозрев, различить в прошитом орбитами небе контуры уносящего их галактического вихря, — сколь же неистовы, сколь упорны они, если в конце концов им удастся покорить свои небеса, сдвинуть с орбит мириады солнц! О, те, кто покоряет свои Универсумы, конечно, мнят себя великанами духа и живут в убеждении, что минута, когда они познают ответы на все вопросы, близка!

Картина поистине величественная — и забавная.

Мы не раз уже задавались вопросом, о чем они мыслят. Не знаем, какие именно из них способны к мышлению, но знаем, что есть и такие: это следует из распределения вероятностей. Но о содержании их представлений мы лишь можем умозаключать из ненадежных посылок.

Прежде всего, где бы они ни жили — в потоках леева или света, порождены ли они игрою слепого случая или строгими законами противоположного края нашей шкалы, имя которым — Строгая Симметрия и Причинность, все они должны делиться на тех, что полагают, будто существует лишь их Вещь и ничего больше, и тех, кто

допускает существование чего-то еще. Это кажется нам логичным, ведь схожие проблемы решали и мы, пытаясь понять, кто мы: действительное бытие или только помышленное, — пока не постигли мнимость этой альтернативы. Вернемся же внутрь Вещей, спустимся по ступеням метagalactic, galactic, звездных систем, солнечных облаков, к планетам, на микроскопической поверхности которых пульсируют незримые активные пленки (о чем свидетельствует феномен более высокого порядка — пульсация звезд в соответствии с чьим-то сознательным замыслом). Мы не знаем, делятся ли, в свою очередь, и эти пленки на элементы еще более мелкие, относительно независимые друг от друга, или являют собой однородное средоточие мысли, которая претворяется в действие. Вероятно и то и другое; а некоторые пленки могут периодически сливаться и распадаться на отдельных индивидуумов.

nedrig.ru

Индивидуумы — не странное ли название для существ чисто гипотетических, которых мы не смогли бы различить, даже если бы их собралось вместе триллионы и квинтильоны? Впрочем, оставим тривиальные рассуждения о масштабе пространственных величин. Создания, считающие свою Вещь единственно существующим бытием, бьются над объяснением тех его свойств, которые проявляются в виде противоречий — потому что в самый зародыш Вещи мы ввели определенные непоследовательности, разрешив более свободную игру элементов, нежели та, которую допускают правила аксиоматического зачатия. То есть: если они

предпримут исследования, то не получают ответа, вернее, получают сколь угодно большое число ответов. Чем больше будут они задавать вопросов, тем больше будет давать им ответов Вещь, которая их объемлет; чем дольше будут смотреть, тем больше увидят; а чем больше поймут, тем грандиознее покажется им тайна Вещи, в которой они обитают. Пусть же справляются, как умеют! Нас больше занимают создания, пришедшие к выводу, что неясность в вопросе о том, кто они есть и что их окружает, предполагает какую-то ясность вне пределов Вселенной; из существования ловушек и лабиринтов они выводят существование зодчего — кого-то, кто сотворил их Вселенную и несет всю вину за их бытие.

Каким им видится этот творец, мы знать не можем, но допущения возможны и здесь. Если они скромны в своих притязаниях и осторожны в гипотезировании, они, безусловно, должны признать, что Бытие, сотворившее их Всеинность, несовершенно, хотя и не лишено чувства юмора (облеченного в необычные, математические формы) и, питая склонность к запутанным многозначностям, не чуждо кое-каких слабостей, хотя бы тщеславия. Да, да, в какой-то мере и тщеславие наше породило все эти Космосы — темные, из леева, и светлые, из илема, и все остальные, что кружат в нашей безмерности, разъединенные безднами нашей мысли, чреватые упорством однажды начатых перемен. Не станем кривить душой: жажда творения, по крайней мере отчасти, возбуждалась гордыней. Не знаем, способны ли они постигнуть нередко досаждавшую нам коллизию между логикой и всемогуществом; не желая жертвовать одним ради другого, мы старались, сколько было возможно, избегать крайностей, хотя удавалось это нам не всегда.

Зато рано или поздно они, конечно, заметили бы некоторые отличительные особенности нашего творчества: скажем, то, что мы любим побеждать трудности, достойные нас самих, и не признаем каких бы то ни было окончательных решений, последних границ, рубежей и пределов.

Наконец, обнаружив иерархичность Вещи, они попытались бы спроецировать ее на нас.

Едва ли бы им удалось догадаться, что порой мы творили из пустого каприза или ради эксперимента, испытывая собственные возможности. И уж почти совершенно мы уверены в том, что они не откроют главный мотив сотворения — жажду ущербности, побуждавшую нас отречься от своей полноты, чтобы творить. Сотворение было, конечно, неизбежным следствием того несовершенного состояния, при котором мы только и можем исследовать себя самих; творимое было (во всяком случае, должно

wallpaper.zoda.ru

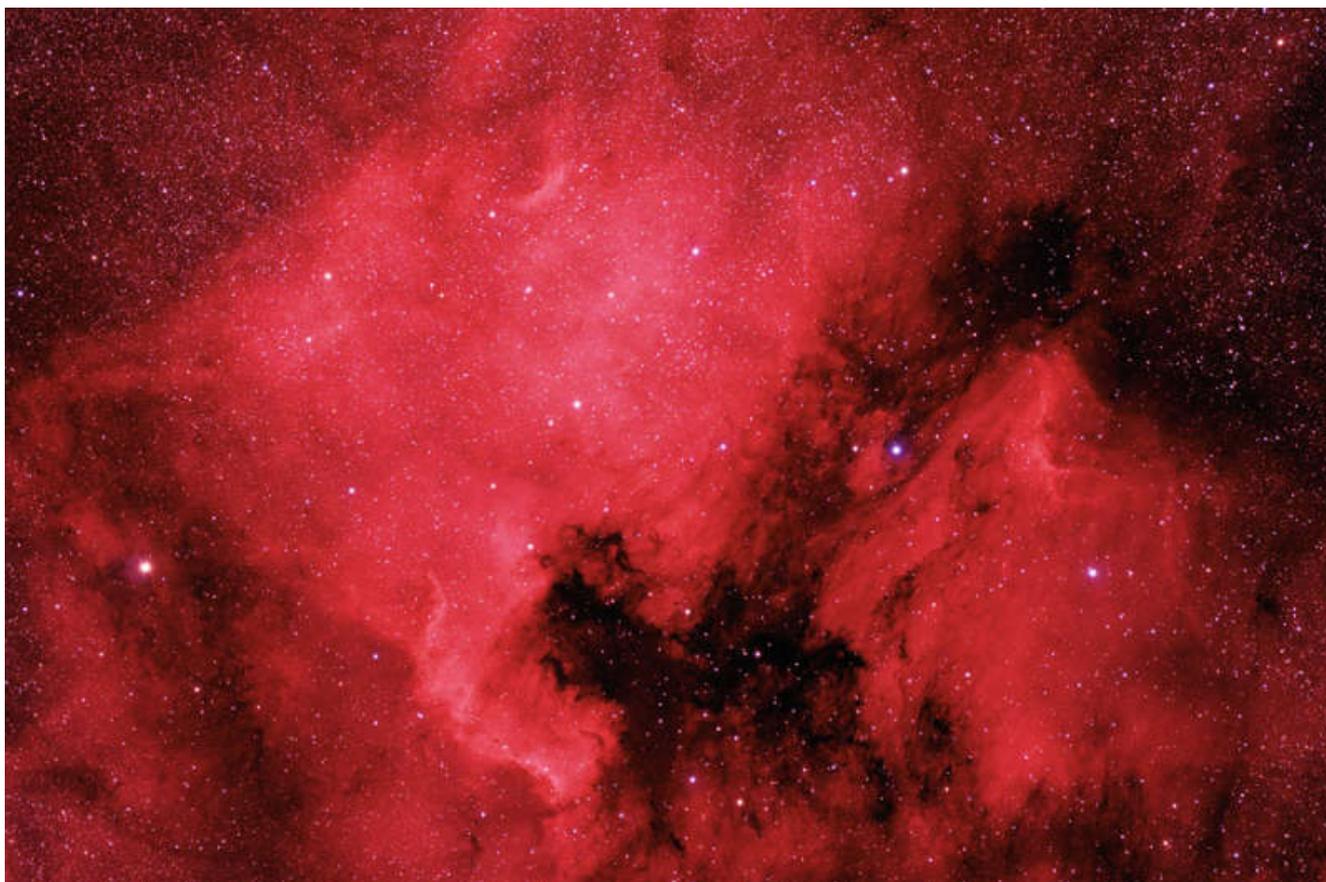
было быть) орудием познания, результаты которого не искажает божественное всемогущество. Понимая заведомую бесплодность этих попыток, мы тем не менее ради них отказались от полноты, которая оборачивалась пустотой, — ибо наше Все является Ничем, а наше Ничто — Всем. Но помыслить что-либо такое они, конечно, не в силах, а если бы такая мысль у них зародилась, они сочли бы ее плодом помешательства. Разве могли бы они, созерцая безмолвную красоту лелеющего их пространства, блистание звезд, их рождение и смерть, допустить, что все это великолепии наплодила неудовлетворенность пополам со скукой, что именно таковы их родители?! И едва ли они решатся признать, что мы породили их Космос неизвестно которым по счету, просто так, между делом; что граница между его появлением на свет и вечным нерождением некогда была крайне текучей; что мы сотворили их в облике, совершенно нам незнакомом... и, наконец, что существует тьма Космосов, пустых навсегда, мертвых и абсолютно бездумных, чей огонь никого не согревает, чьи тайны никто не исследует. Нет, настолько случайными они себя ни за что не признают. Их собственная чванливость сделает их слепыми к этой трезвой гипотезе; скорее, они примутся наделять своего творца атрибутами, все более достойными восхищения: это позволит им и себя представить в более выгодном свете (не кто попало — не кого

попало создал!) и тем с большим доверием взирать на объемлющую их Вселенную. Выглядит это забавно, однако причиной тому, сознаемся честно, не только их психическая мизерность, но еще и то, что им дано знать лишь один, их собственный мир. Допустить возможность множества Космосов, управляемых разными законами, было бы для них чудовищной ересью, кровной обидой; а вот допустить, что их всесильный творец, властелин бесконечностей, мог бы удовольствоваться одним космическим детищем и все свои неисчерпаемые потенции, все внимание посвятить зачато с вечностью единственному дитяти, — это их логике не противоречило бы...

Конечно, они мнят себя избранными, единственными — может быть, даже в целом Космосе, в котором они обитают. А ведь и в нем вращается множество населенных миров; однако существам столь ничтожным, как те, кого мы породили на свет внутри Вещей (пусть даже косвенным образом, не вдаваясь в подробности и не вполне умышленно), — таким существам невероятно трудно перебросить связующие мосты через разделяющие их бездны. Для них это бездны просто невысказанные.

Но куда важнее другое: эти Универсумы не им должны были служить, а нам. Как? Ответить непросто. Если прервать ход рассуждений и возобновить его уровнем выше, там, где мысль, освободившись от времени, высказывается не постепенно и понемногу, но схватывает сущность мгновенно, — умышленную подневольность наших творений можно было бы выразить сразу и целиком. Но та, высшая сфера обходится без нашего теперешнего языка, который ничего не может схватить моментально и который есть лишь туманное, хромающее, полное неясностей высвобождение мысли. Однако как раз потому, что выразить на нем суть Вещей трудно, а то и невозможно, мы ограничиваемся столь скромным орудием. Мы поступаем так не ради себя: они (пусть нечаянно, не в качестве главной или сознательно поставленной цели) все же появились на свет и существуют в нем; а высшая точка зрения, бесконечно категоричная, свободная от времени и пространства, слишком для них беспощадна, недоступна им и потому, быть может, несправедлива...

Итак, попробуем дать ответ. Сказанное ранее могло бы создать впечатление (совершенно ложное), что верной, хотя и грубой моделью каждой Вещи будет многослойный конус: его широкое основание составляют крупные совокупности, такие, как диски леева, скопления метagalactic, спиральные звездные скопления; середину — отдельные солнца, источники света или же леева; затем планеты, а у самой вершины — совсем уже неразличимые «мыслящие пленки». Но как обманчива эта картина! Ведь мы созидали Вещи, начиная с зародышей, которые настолько же

astronet.ru

меньше «пленок», насколько «пленки» меньше своей Вселенной! И, что важнее, остроумие нашего замысла заключалось в том, что мы не послушались подсказок логически примитивной математики, повелевавшей сотворить иерархию, то есть постройку, в которой большее содержит в себе меньшее, а то, в свою очередь, еще меньшее, и так далее, до конца. Нет: мы избежали Конца, неразрывно спаяв наибольшее с наименьшим во всякой Вещи. Тем самым мы создали нечто гораздо более сходное с кругом, нежели с конусом; когда обитатели какой-нибудь Вещи, открывая ее законы один за другим, доходят до наименьшего элемента, в убеждении, что вот-вот коснутся творящего дна, изловят и возьмут под стражу неделимую далее частицу космической субстанции, — границы «последних зерен» начинают вдруг размываться и исчезать тем быстрее, чем упорнее стараются их обнаружить и зафиксировать...

Ибо там, где Вещи были еще только чистым замыслом, лишенным форм, пространства, движения, — мы уже оперировали бесконечностью. Мы ее редуцировали, но так, чтобы она оставалась собой, то есть: безграничностью, тождеством целого с частью, нелокализуемостью; мы сохранили эти изумительные атрибуты. Бесконечность, нами владеющую, мы, словно бы в шутку ей мстя, засадили за самую черную работу, чтобы ее отпечаток всегда, вплоть до наступления безжизненной вечности, носила в себе любая пылинка, слепо блуждающая в

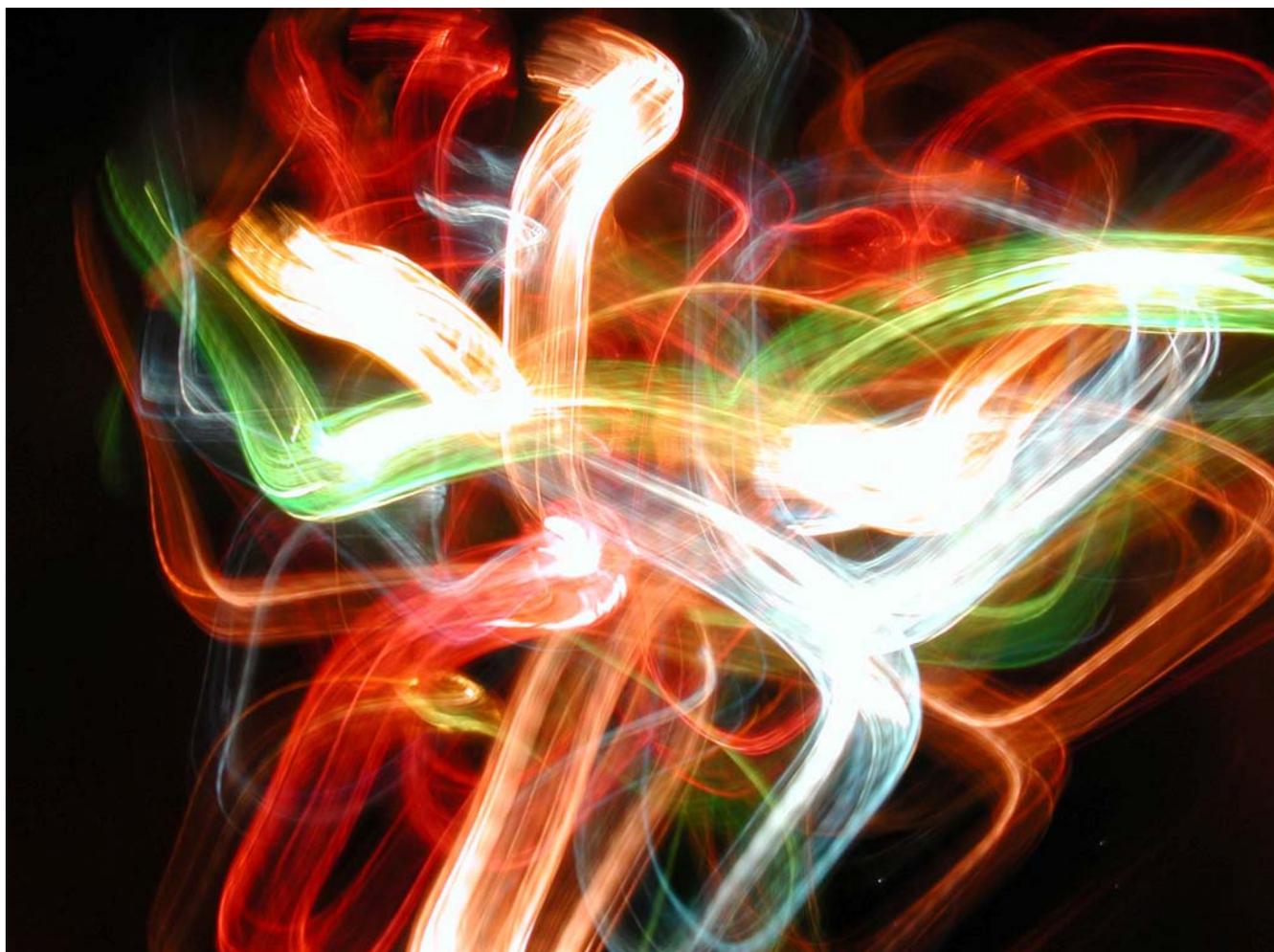
сотворенной громаде... Бесконечностные атрибуты мы сохранили даже там, где размеры творимого угрожающе съеживаются, приближаясь к нулю. Эти принулевые бесконечности — тончайшую щель, микроскопический зазор, отделяющий полноту Бесконечного от Небытия, мы возвели в ранг субстанции Всевещей, которые нам когда-либо заблагорассудится призвать к жизни.

Разнообразие наших свершений было огромным, но главная их последовательность отмечена борьбой Конечного с Бесконечным, отражением которой оказываются Необходимость и Случай. В тех Универсумах, где уровень случайности высок, психическая индивидуальность становится странствующим феноменом. Мы не можем за ним уследить, но можем воссоздать костяк таких превращений: когда там возникает Кто-то, Какой-то, то его связи с телесным субстратом столь хрупки, зависят от столь могущественных флуктуации, что его неповторимая индивидуальность перебрасывается, перескакивает, проникает из тела в тело. Философия тамошних жителей, вероятно, пытается сладить с этой добавочной трудностью — эфемерностью перекасти-духа; тут легко завязнуть в трясине представлений, согласно которым «дух» есть нечто не зависящее от «материи»...

В других Универсумах... Но перечисление, попахивающее каталогом, начинает наводить на нас скуку. Конечно, мы сотворили неисчислимое разнообразие, коль скоро из неисчислимого исходили. Тем самым, — скажем ясно и откровенно то, о чем уже было вскользь упомянуто, — мы на разные лады повторяли, или, если угодно, моделировали нашу собственную главную тайну: тайну неведения о нас самих, о нашей сущности, о ее последних глубинах. В прежних эпохах нашей ущербности мы не раз уже задавались вопросом: что, если мы выражали себя скорее в актах мести, чем милости? Ведь мы воспроизводили модели собственного неведения, стараясь не думать о том, что замкнутые в них существа вечно будут спрашивать и искать; и какие преграды они ни преодолели бы на этом пути, нигде не найдут ни выхода, ни ответа, ведь найти его невозможно — ни в каждой Вселенной порознь, ни во всех сразу. Его там попросту нет. Не потому, что мы умышленно не ввели его в сотворенные Вещи, а потому, что сами его не знаем.

Мы могли бы — да, это правда! — мы могли бы сотворить Вселенные, абсолютно непротиворечивые, которыми можно полностью овладеть, то есть постичь посредством духа, рожденного из нечистой игры; но сама мысль о возможности такого духа,

довольство которого собой было бы свободно от занозы сомнения, от глубочайшего, неутолимого голода, — одна эта мысль наполняла нас отвращением. Уж не из зависти ли? Нет. Состояние полного исполнения желаний нам известно; это наше естественное состояние, от которого мы отрешаемся ради ущербных свершений. Так из-за чего же?

Охваченные такими сомнениями, мы размышляли о многом. Мы всемогущи, и в этом наша слабость: мы можем творить истины, но как выбирать между ними? И еще: возможно ли, что, подобно им, мы существуем вдвойне, дважды — в качестве мысли и в качестве Вещи?.. Неужели возможно сверхконечное множество, вмещающее наши несметные Континуумы так же, как мы вмещаем в себе все эти взвеси, копошащиеся в песчинках Вещей? Неужели и мы — одна из таких Всевещей, одна из их мириад, населяющих Разумное Бытие иного, следующего порядка? Такая гипотеза кажется нам чересчур тривиальной, слишком простой. И вот почему: мы сами ни разу не повторили себя в сотворенных нами Вселенных и не верим, чтобы кто-нибудь мог поступить так по отношению к нам. Бесспорно, в таком нагромождении вечностей — размышляющих, всемогущих, друг на друга насаженных, распухающих ввысь и вниз, — есть нечто пленяющее, особенно поначалу. Признаемся: наша предусмотрительность (или преднамеренность?) заходила столь далеко, что мы оставили открытой и эту возможность: мы создали множество универсумов, жители которых могли бы, своим чередом, сами развлекаться по нашему образу и подобию и, напав на правильный след, создавать совершенно различные, но одинаково жизнеспособные миниатюры (или варианты) их собственной Вселенной — в виде моделей все более высокого порядка. Да, они могут строить свои, способные к эволюции, к метаморфозам, системы из субстанции своего Космоса. И, наконец, они могут построить Мысль — Мышление вне себя, более могущественное, чем их собственное; а оно, в свою очередь, после посвящения в тайны вступив на путь себятворящего развития, способно порождать творения еще более высокого порядка. Быть может, это оно заявляет о своем существовании, сотрясая целые звездные облака...

Впрочем, порождения наших капризов обладали такими потенциями уже тогда, когда мы навязали исходной субстанции (способом, упомянутым выше) бесконечность. Ведь бесконечно малое и бесконечно большое не были отделены друг от друга единственно возможным переходом — через последовательность возрастающих постепенно размеров; из почти-небытия можно прыгнуть в бездонность, выворачивая наизнанку самый что ни есть изначальный порядок Вещи; словом, возможность моделировать всяческие бытия, возможность всеимитации была предзадана нами.

astronet.ru

Возвращаемся к прерванной мысли: не сыграл ли кто-то и с нами, когда-то, такую же шутку? Мы отвергаем эту гипотезу. Да и какой мы тогда имели бы смысл? Выходит, наша бесконечность — всего лишь замкнутый, круговой процесс, а всеведение и всемогущество — иллюзия, достигнутая благодаря искусности мыслителя и зодчего следующего порядка? С этим мы примириться не можем. И у нас есть для этого основания. Мы творили, творим и, если того пожелаем, будем творить мириады Вселенных, тогда как обитатели каждой из них могут познать лишь одну-единственную, потому что все они — пленники собственной бесконечности. Далее: мы — всё, что может существовать. Нас не окружает ничто; вокруг нас нет ни неба, ни леева, ни звезд, ни илема, ни солнц, ни космических облаков, остывающих и раскаляющихся: все эти рои, холодные и раскаленные добела, мы заключаем в себе.

Мы размышляем об этом, поскольку сомнение не дает нам покоя. Вращаются, кружатся рои наших Вселенных, наполовину прозрачные и дымные от метеоритных туч, пульсирующие выбросами леева, сплющиваемые судорогами гравитации, заполненные звездами и их погнутым светом, и старыми, слепнущими солнцами; мы знаем, что в каждой из них имеются секстильоны, нонильоны существ, которые пребывают вне времени, когда мы это мыслим, и преходят во времени, уже не

зависящие от нас, — плоды минутного каприза, шутового расположения духа или же просто скуки, порожденной бездействием! Мы могли бы их упразднить, все или некоторые, но не делаем и, вероятно, не сделаем этого, поскольку сотворение кажется нам поступком, пусть недостойным, но все же не столь недостойным, как уничтожение. Мы, быть может, изощренны, но не злонамеренны. Мы непоследовательны, но не беспощадны. Мы — беспредельная головоломность, но не глумливое зло, хотя кто-то, конечно, мог бы и так решить. Мы — совершенство, отрекающееся от себя самого, но не навечно. Разве мы не восходим на вершины наших мыслей, а значит, и увеличиваемся, хотя мы и без того уже необъятны? Бывают минуты, когда мы кажемся себе какой-то мизерной или — что за разница? — громадной ненужностью; этого ощущения не могут развеять ни самые дерзновенные замыслы будущих творящих деяний, ни рои кружащих в нашем сомненье миров. Ища убежища вне совершенства, мы отдаем себя под защиту математики, перемериваем ее отрицательные бездны, ее ошеломляющую стрельчатость, — о, каким мы тогда становимся хаосом, как он нас лепит и правит нами! И как мы вносим в него иллюзию ясности, порождая из себя канонические формы, группы тождественных обращений, как воздвигаем Континуумы, как в головоломных поисках меры безмерности взрываемся абсолютными прасистемами, строптивым пространствам навязываем погруженные пространства, подпространства скалярные, полуметрические, натянутые на векторы, как входим в их плотность, в их леса сингулярных тензоров, как творим инварианты и погружаемся

вглубь, чтобы ощутить растущее сопротивление сильных величин, всех этих гессианов, диад и триад, этих псевдогрупп, неустанно окукливающихся; и наконец, непревзойденные, мы, населив нашу былую пустынную таким половодьем форм абсолютной точности, вдохнув долговечность во все порождения нашей мысли одновременно, создав из нее нерушимый оплот, непоколебимый фундамент, слив Необходимость и Произвольность во всемогущем объятии, вдруг — словами этого не передашь — сами пронизываем опоры навывлет, и они становятся как туман, еще какое-то мгновенье прекрасный, и возвращаются в нас, уже зависимые, уже подчиненные, больше того — уже вообще никакие. О, это низвержение с горделивых высот, из Упорядоченности в бессвязную мешанину, в бессловесный и безматематический беспорядок, в ту вязкость, имя которой — мы! В неразграниченности и неупорядоченности, в разбухшей беспространственности, в страхе и апатии, в самозащите, рождающей спазмами, в каждой новой попытке, в каждом отчаянном штурме, в очередном помете Вселенных, творимых словно бы не для того, чтобы усилить наше бытие, но так, будто это порожденья агонии, предсмертные корчи, — во всем этом и все это — мы. Тут нет отречения от всемогущества в пользу противоречий: одно сосуществует с другим, и настоящим страданием, пожалуй, может зваться лишь страдание, порожденное Всемогуществом. И мы зависаем, с радостью ожидая паденья на дно, которого нет, ожидая крушенья — несбыточного; а рои сотворенных миров, в вечном своем протекании и кружении, оказываются знаками тщетности, плодами недоношенными и бессильными, нас самих приводящими в ужас.

Но и этот привкус сосущей пустоты, едва появившись, отдалается, размывается, исчезает, мы опять возвращаемся в совершенство и снова отвергаем его, чтобы предпринять — пока еще неуверенно — очередную попытку, ибо подходит время прилива и надежды. Нарастает желанье творить, хотя дальше, мы знаем, разверзается еще одна, такая же самая обеззначенная бездна. И начинается снова игра — абсолютно серьезная — все в те же головоломки-мозаики... Мы говорим: «пространство» — и вот уже есть пространство. «Антипространство» — и оно возникает. Мы сливаем их снова в Континуум. Оплодотворяем его материей и наделяем свойствами. А свойства порождают границы, и вот уже есть граница измеримых величин, граница действий, граница скорости. Этот эмбрион, этот возникающий плод мы ограждаем правилами допустимых преобразований. Моделируем точки перехода из пространства в антипространство — кардинальные узлы Континуума, в которых нуль-пространство резко замедляет протекание времени,

и вот уже есть нуль-время как локальная возможность. Мы погружаем наше творение в поток других, кружащих и удаляющихся, наблюдаем его проплывание и полет, еще неуверенный, его консолидацию, разгорание, и видим: чем глубже оно в себя погружается, тем более мощные пробуждает силы, приводит в движение вихри, вызванные к жизни гидромагнетическими эффектами и порождающие протосолнца и протопланеты; а потом наш (и уже не наш) илем, истекая светом, теряется в половодье других Вещей, а мы, безвечные, остаемся. И вот уже опять пустота — так быстрее, быстрее же, дальше... Пусть следующий мир, новый Универсум будет ничем не похож на другие! Ибо нет границ нашей фантазии.

Попробуем придать бытию флуктуационный характер. Его пространственная материя будет осциллировать самовозбуждающимися ритмами, раскалывая законы Природы своего Универсума, и сквозь обломки, сквозь бреши, пробитые в небытие, проглядывает Непостижимое, Ни с Чем Не Сообразное; а когда там заведутся некие бесконечно малые, деятельные существа, их разум, столкнувшись со столь диковинной несообразностью, увидит в ней череду грозных чудес: в пределах своего мира они не отыщут разумной причины, а беспричинность сочтут чудесностью...

Пусть же ищут, пусть хлопочут, пусть пребывают в блаженной уверенности, будто они уже знают, догадавшись о существовании — нет, не меня! — а какого-то Совершенного, Всеведущего, Благого Творца...

Благого?..

Неужто меня могли бы счесть Благим? Благом? Вселенской любовью?.. О, это было бы сверх меры — сверх меры того, что можно вытерпеть. Ведь тогда они обрели бы уверенность, а уверенности я не хочу, не желаю, я ее отвергаю, мне не нужна ни вера их, ни любовь — уж лучше исполненное ужаса уважение... Я, конечно, шучу. В самом деле: как, каким манером, какими путями можно прийти к такому абсурду, такому нонсенсу — что из милости, из сердечного сочувствия к ним, не существующим, я положил начало их миру, их бытию...

Пусть лучше упражняются в имитологии, пусть ищут способы аннигиляции материи, уничтожения пространства, прекращения времени; пусть накапливают чудовищные энергии, чтобы друг друга стирать в порошок, ввергать в неопишную мягкость, в совершенство, единственно им доступное — совершенство небытия, пусть так разят друг друга, чтобы актами антитворения ассистировать моим мыслям, когда я думать о них не думаю, помнить о них не помню... Для чего я их создаю? Лгать себе самому было бы глупостью чересчур очевидной. Я же знаю, что создаю их — пусть окольно, опосредованно, не вдаваясь в детали, не зная ни их мыслей, ни даже форм, в которых они существуют. Всевещам, которые их породили, я давал лишь первоначальный толчок, чтобы сделать в высшей степени вероятным достижение такого уровня сложности, на котором возникает деятельное бытие, а в одном из его закутков пробуждается мысль; только математическая вероятность говорит мне, что эти эфемерные пленки существуют, действуют, мыслят...

Но это не ответ на мои вопросы, в этом нет для меня облегчения.

И я не упиваюсь их страданием, первым и последним страданием разума, который чем глубже входит в окружение, в его сердцевину, тем ненасытней стремится дальше, хотя узнает все больше и больше и видит, что процессы, при беглом рассмотрении строго закономерные, оказываются все менее однозначными. Но, может быть, нашлись существа, научившиеся повышать степень этой неоднозначности, чтобы даже макромир сделать зыбким, а Природу — полной капризов, то есть чудес; неужели нашлись и такие?

Сомневаюсь. Тут уже дело не в знаниях, которые они могли бы добыть (некоторые из них вполне на это способны, согласно закону больших чисел, ведь мною

созданы миллиарды Космосов, и в каждом содержатся миллиарды обществ). Речь совсем о другом: чтобы на это отважиться, им пришлось бы отречься от взгляда на Космос как нечто существующее серьезно, достойно, и от взгляда на Природу как силу могущественную, куда-то стремящуюся, нацеленную — нематериальным дулом времени — из низшего прошлого в высокосовременное будущее. Да, безусловно отречься, больше того — с пренебрежением высмеять подобный взгляд на Вселенную, уяснить себе, что замысел, лежавший в основе Творения, был именно таким, каким был. Но они станут искать Прогресс, Совершенствование, а прохождение форм во времени покажется им не шуткой, а поводом для отчаяния, загадочной карой, с которой они, безвинные, не захотят примириться. И потому они пройдут мимо правды. Им придется так поступить.

Возможно, они решат уничтожить свою Вещь и себя вместе с ней, поняв, что изречение ответов, всегда исключающих и всегда обуславливающих друг друга, необходимых и вместе с тем невозможных, — есть сущность их Вещи, их Универсума. Быть может, им удастся постичь математику, которая породила их Вещь. Не думаю только, что из ее существования они смогли бы вывести истину, — не потому, что их умственные силы слишком ничтожны, но потому, что истина покажется им слишком невероятной!

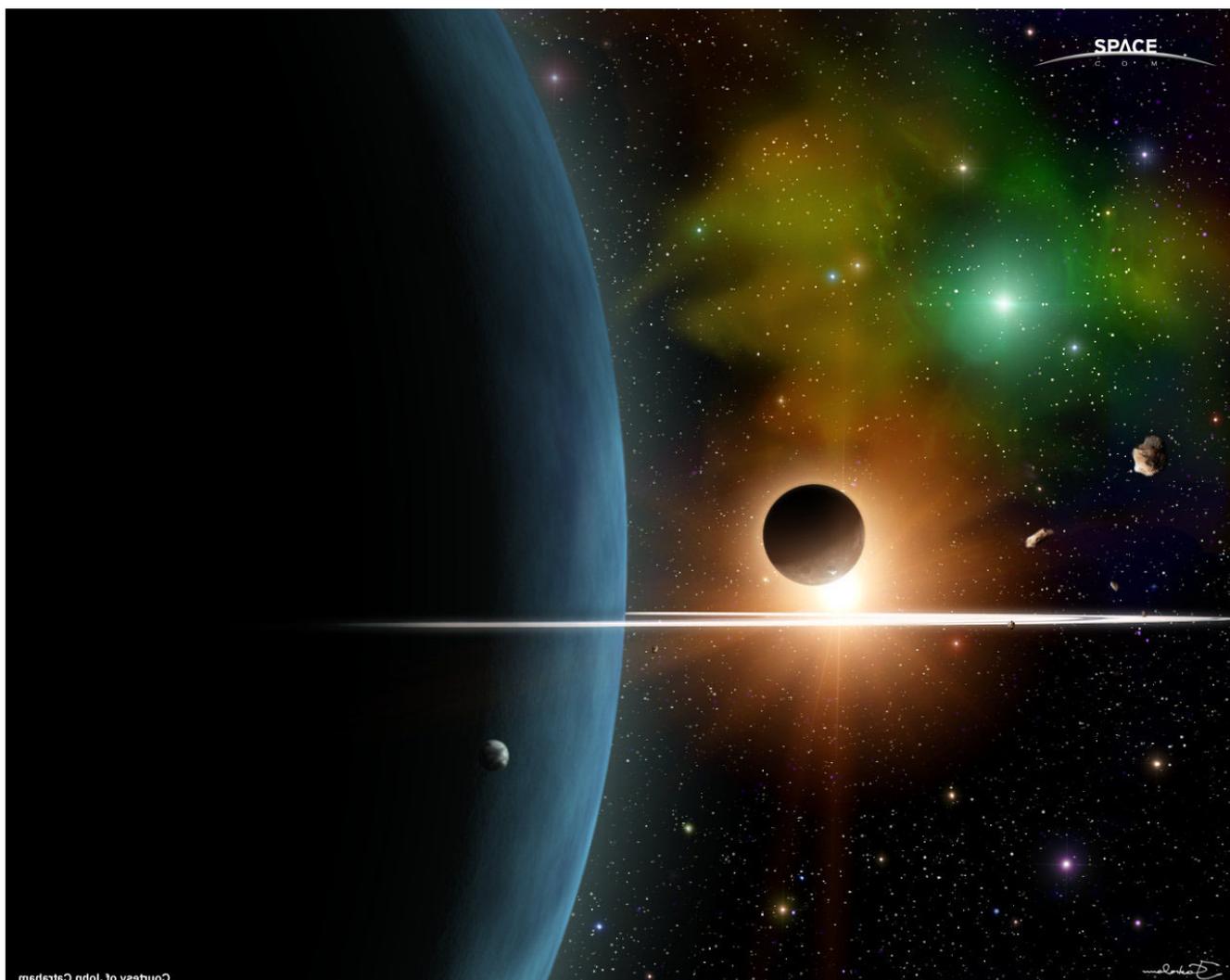
В Кого-то, полного вечности, сравнимой лишь с его всемогуществом, в Кого-то, творящего Вещи, Эволюции, Пространства, Природы и Мироздания, наделяющего их структурой законов и расцветкой событий, совершенно не зная, однако, кто же он сам и откуда он взялся, кем может быть и даже существует ли он вообще (ведь мы, это надо признать, могли бы оказаться и сном), — в Кого-то, до такой степени могущественного и беспомощного, они не уверуют, как бы ни сложились их судьбы!

Сочувствую ли я им? Но отчего это я, незаметным образом, стал говорить от первого лица? Ведь я не особа — я бытие; неужели моя редукция, мое самоумаление, перескок из более вместительной и царственной формы в более скромную, более подверженную тревогам, предвещает эпоху нового низвержения, новых безумий, и я снова буду взывать о помощи творимыми мною мирами и корчиться в родовых схватках очередной бессмертной агонии? Так начнем же скорее, обдумаем новые замыслы; до сих пор мы творили разнообразнейшие миры, однако во всех них граница, отделявшая разумные существа от внешнего мира, была ясной и четкой; их тела, несомненно, отграничены от мира мгновенным скачком, как ноль от единицы. Создадим же иных! Пусть граница перехода Жизни в Бесжизненность и Разума в Беспсихическое будет растянутой, пусть они переходят в собственное, породившее их окружение постепенно и незаметно... Да возникнут недискретно обособленные разумные существа!

Но, может быть, это предел падения, позорное бегство — уходить от себя в сотворение, фонтанировать родами, защищаться от безначальности, сомнения, небытия, плодя третьестепенные варианты? Не довольно ли этого самообмана? Тем более что бегство (так подсказывает нам логика, а не праведность) все равно невозможно. Никогда не уменьшится пространство свободы нашего мышления, никогда не спасует оно перед каким угодно множеством самых головоломных творений; спокойствие смирения нам наверняка не грозит. Эта уверенность не содержится в нас, а является нами. Доказательство тому — хотя бы минувшая безмерность. Так довольно же. Обратимся к сотворенному нами. Встретим его лицом к лицу. Попробуем постичь его, охватить сочувствием, если оно того требует — заклеим мыслью, отягощенное бременем тайн, заблудившееся в открываемых им иерархиях. Но что же делают самые мудрые из них? Неужели продолжают дело познания? Строят и разрушают, строят и разрушают, попеременно и разом? Или взывают уже только к нам, взыскуют нашего появления?

Оно невозможно. Пусть откроется наш позор: предположения и гипотезы о

мириадах существ, возникших по нашей воле, об их мыслях и представлениях, о созданном ими образе Творца, предположения, которые в этой безмолвной беседе мы так часто, так упорно снабжали оговорками, что, дескать, мы достоверно не знаем и не можем знать, чего они хотят и что делают, не можем узреть их, не ведаем, как они выглядят, потому что они для нашей громадности неразличимы, — все это было ложью, личиной, за которой скрывался наш безграничный стыд. Ибо это не так: мы могли бы. Увы, по отношению к ним мы и впрямь всемогущи. Но вмешаться в одну или — какая разница? — сразу в миллионы Вселенных — ради чего? Чтобы открыть им, что они созданы по нашему образу и подобию в издевку, что мы — всеведение, не постигающее себя самое, и всемогущество, ненепрасное лишь для других? Возможно ли поверить в истину, которая ужасает? Нет, скорее они согласятся увидеть в нас торжествующее зло, воплощение жестокости и коварства, лишь бы это зло и коварство имели отчетливую и однозначную устремленность; они перетерпят любые мучения, любые пытки, лишь бы тот, кто явится им, оказался Властелином Всеведущим и Совершенным, неважно — в любви или в ненависти. Но мне пришлось бы открыть им,

что мы уравниваем тайной существования, только вину за него не разделяем поровну, ведь это я вызвал их к жизни, не для добра и не для зла — но в неведении и потерянности; а им пришлось бы отречься от такого Творца или, о ужас, его утешать?..

Могу ли я предстать таким безгранично уродливым и безгранично смешным?

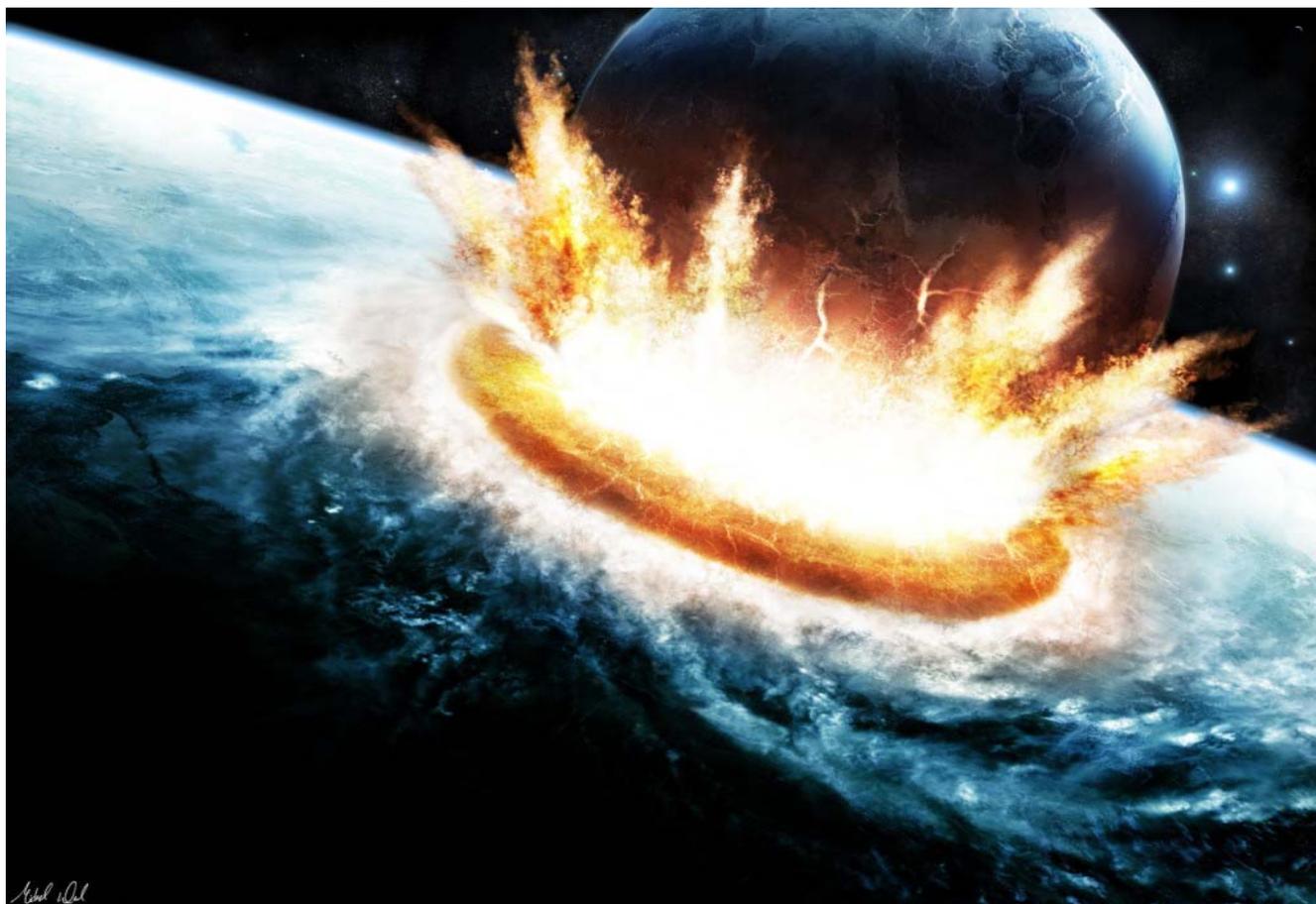
Вот почему я вынужден скрываться от них... чтобы не лгать им... а они, шествуя своими извилистыми путями, будут искать, убеждаться в ложности найденного и идти дальше...

Вернемся же наконец в совершенство, как в убежище... возможно, когда-нибудь, из концентрации всех наших сил, из их сопряжения возникнет...

Оригинальный документ, с которым только что познакомились Читатели «Альманаха», представляет собой перевод, по необходимости упрощенный и значительно сокращенный, так называемых «Записок», привезенных, в числе других научных материалов, Третьей экспедицией, исследовавшей скопление Альфы Эрида.

Как известно (новые материалы на эту тему появятся в следующем номере «Альманаха»), одну из звездных систем этого скопления, Кси Гамма, когда-то населяли три различные разумные расы; та, что обитала на планете XG/1187/5 (согласно планетному каталогу Каллоха-Мессье), создала наиболее высокоразвитую цивилизацию. Жители планеты превратили свою вторую, лишенную атмосферы и жизни луну в огромную лабораторию, или, говоря словами профессора Лауса, в полигон искусственной эволюции. Эта луна возникла, по-видимому, вследствие космической катастрофы, в виде огромной никелево-железистой глыбы. На ее поверхности ученые планеты XG/ 1187/5 поместили «кибернетический живчик», после чего предоставили его себе самому. Это устройство вгрызлось в металлический грунт и целые столетия, а может быть, и тысячелетия преобразовывало его в части своего организма, разрастаясь все шире и шире, пока не поглотило всю внутренность металлической луны; нетронутой осталась лишь застывшая лава внешней оболочки.

Всестороннее изучение гомеостатического мозга, замкнутого в «скальном черепе», было связано с огромными трудностями, как ввиду местных условий (солнце Эрида, правда, не является Новой, но, когда оно стоит в зените, температура на освещенной поверхности луны достигает до 380 градусов), так и ввиду гибели самих эриданцев.

bestwallpapers.net.ru

Поэтому исследования заняли многие годы. Так или иначе, значительная их часть уже выполнена. Как могли убедиться Читатели, перед нами нечто вроде «Записок электробога». Его тайна объясняется тем простым фактом, что, саморазвиваясь, он соединил свои «входы» с «выходами», и это короткое замыкание изолировало Мозг от окружения; лишенный доступа к каким бы то ни было внешним явлениям, он превратился в «автономно мыслящую Вселенную» — разумеется, лишь с точки зрения теории информации. Он мог моделировать в себе любые явления и процессы, какие ему «приходили на ум». Можно уподобить его червивому яблоку; это банальное сравнение все же передает существо дела: в пределах мыслящей субстанции, подвластной его индивидуальности (о которой речь впереди), было обнаружено несколько миллиардов «вселенных», то есть изолированных островков автономных процессов, каждый из которых есть не что иное, как математическая модель сотворенного лунным Мозгом «универсума». При этом уравнения и неравенства, составляющие ядро аксиоматического «зачатия» отдельных универсумов (вернее, их цифровых моделей), были запрограммированы и согласованы настолько искусно, что самостоятельно порождали различные фазы развития не только псевдозвезд и «небул», но и биологической эволюции (понятно, тоже не настоящей, а лишь моделируемой рядами

математических преобразований). Автономно развивающиеся модели были доступны «внутреннему созерцанию» Мозга, который считал себя единственно существующим бытием и миллионы лет бился над разгадкой собственной тайны.

Он сам был настолько велик, что находился уже на грани дезинтеграции: информационные каналы, обеспечивающие единство его индивидуальности, были перегружены до предела. Отсюда любопытный феномен говорения о себе то в единственном, то во множественном числе — следствие осцилляции между отчетливой и сильной целостностью его «персоны» и ее «расшатанностью», грозящей полным распадом. Примерно 20–30 тысяч лет назад Мозг-луна столкнулся с крупным метеоритом, который, пробив его внешнюю оболочку, уничтожил часть необходимых для функционирования Мозга устройств. Таким образом, наша экспедиция имела дело с постепенно разрушающимися останками мыслящего существа, возникшего в ходе кибернетической эволюции, что, разумеется, еще больше затрудняло работу по переводу.

Крайне любопытные, богатые и оригинальные результаты чисто математического характера, в частности, в области теории трансфинитных величин, а также неизвестные доселе земной математике решения задач Бьянки — Кристофела и информатические применения нескольких теорем К. Гёделя, вместе с теоретическим анализом иерархических временных процессов и дискретного поля, Читатели найдут в приложении к следующему номеру «Альманаха». Наши Подписчики получают это приложение бесплатно.

